

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.20323/1813-145X-2021-5-122-226-238

**Поэт-гражданин как культурный герой в русской и китайской поэзии:
тема народных страданий в творчестве Ду Фу и Н. А. Некрасова**

Елена Михайловна Болдырева

Доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2
e71mih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2977-726>

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов российско-китайского культурного диалога: поэт-гражданин как культурный герой в русской и китайской поэзии на примере темы народных страданий в творчестве Н. Некрасова и Ду Фу. Анализируются исторические, автобиографические и философские детерминанты обращения поэтов к гражданственной и народной тематике, рассматривается, как в творчестве обоих поэтов актуализируются архетипические ситуации, мотивы и образы, детерминированные их писательской репутацией, их статусом в культурной жизни эпохи – ролью поэта-гражданина, поэта-патриота, певца народных страданий. При сопоставлении произведений поэтов выявляется множество значимых для их художественного мира типологически сходных мотивов, репрезентирующих тему народных страданий: устойчивая персонификация, соотносимость темы народных страданий с мотивом странничества и устойчивыми топосами великих русских и китайских рек, эмоциональная сфера лирического героя, мотив убогости и нищеты народа, мотив народного стона и плача детей, мотивы избиения кнутом и костей мертвецов, мотивы солдатчины, службы в армии, помещичьего и чиновничьего произвола, бездействия и безмолвия власти, ее глухоты к народным страданиям. Особое внимание уделяется теме тяжелой женской доли в творчестве поэтов, эпизоды их лирики, содержащей развернутые сюжеты, воспроизводящие различные грани и варианты народных страданий, а также системе стихотворений-двойников, поразительным образом связанных не только отдельными мотивными и образными переключками, но и логикой развертывания лирического сюжета, принципами субъектной организации и практически дословно повторяющимися словесными формулами. В статье делается вывод о сходствах и различиях в художественной репрезентации поэтом-гражданином темы народных страданий.

Ключевые слова: Некрасов, Ду Фу, культурный герой, культурный диалог, писательская репутация, гражданственность, народность, русская поэзия, китайская поэзия, конфуцианство, мотив, лирический герой

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М. Поэт-гражданин как культурный герой в русской и китайской поэзии: тема народных страданий в творчестве Ду Фу и Н. А. Некрасова // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 226-238. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-226-238>.

Original article

**Citizen poet as a cultural hero in russian and chinese poetry:
the theme of folk suffering in the works of Du Fu and N. A. Nekrasov**

Elena M. Boldyreva

Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Institute of foreign languages, Southwest university. 400715, PRC, Chongqing, Beibei district, Tiansheng st., 2
e71mih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2977-726>

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of the Russian-Chinese cultural dialogue: a citizen poet as a cultural hero in Russian and Chinese poetry on the example of the theme of folk suffering in the works of N. Nekrasov and Du Fu, analyze historical, autobiographical and philosophical determinants of the poets' appeal to civil and folk subjects, considered how archetypal situations, motives and images are actualized in the work of both poets, determined by their writing reputation, their status in the cultural life of the era – the role of a citizen poet, patriot poet, singer of folk suffering. When comparing the works of poets, many typologically similar motifs significant for their artistic world are revealed that represent the theme of folk suffering: steady personosphere, correlation of a subject of national sufferings to motive of wandering and steady top wasps of great Russians and the Chinese rivers, the emotional sphere

of the lyrical hero, motive of wretchedness and poverty of the people, motive of national groan and crying of children, motives of beating by a whip and bones of dead persons, motives of soldiering, military service, a landowner and official arbitrariness, inaction and silence of the power, its deafness to national sufferings. Special attention is paid to a subject of a heavy female share in works of poets, epization of their lyrics containing the developed plots reproducing various sides and options of national sufferings and also the system of poems doubles amazingly connected not only separate motive and figurative musters, but also logic of expansion of a lyrical plot, the principles of the subject organization and almost literally repeating verbal formulas. The article concludes that there are similarities and differences in the artistic representation by the poet-citizen of the topic of folk suffering.

Keywords: Nekrasov, Du Fu, cultural hero, cultural dialogue, writing reputation, citizenship, nationality, Russian poetry, Chinese poetry, Confucianism, motive, lyrical hero

The article was prepared as part of the activities of the Center for the Study of Russian-Speaking Countries in Southwest University in the People's Republic of China under the Ministry of Education of the PRC

For citation: Boldyreva E. M. Citizen poet as a cultural hero in Russian and Chinese poetry: the theme of folk suffering in the works of Du Fu and N. A. Nekrasov. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2021;(5):226-238. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-226-238>

Введение

«Отношение его к народной жизни было реальнее всех остальных поэтов, <...> это нечто свое, совершенно особенное, чисто индивидуальное, <...> проникновение в самую глубокую сущность народной жизни со стороны ее насущных потребностей и затаенных, незримых страданий. <...> Он глубоко понимает народ и вне всякой идеализации становится даже беспощадным в отношении его <...> Здесь у него ирония и болезненная скорбь, желчь и злоба, едкая, могучая насмешка и почти рядом с нею тяжкий вопль бессилия честного человека перед пороком и злом» [Крестовский, 1906, с. 99-105]; «杜甫在对待人民的态度上,达到了他以前的诗人所不曾达到的高度。这就使他的作品具有高度的人民性,形成杜甫诗歌的重要特色。杜诗的人民性表现在反映了人民的苦难生活,并予以深切同情。杜诗的人民性表现在对祖国的热爱和对国家命运的忧虑。杜诗的人民性表现在揭露社会的黑暗和统治阶级的荒淫腐朽» («Отношение его к простым людям достигло высоты, которой никогда не достигали его предшественники. Это придает его произведениям высокую степень народности. Народность его поэзии проявляется в том, что он с сочувствием описывает страдания простых людей, в его любви к родине и тревоге за судьбу страны и в разоблачении темных сторон общественной жизни и коррупции правящего класса») [尹大春, 2005, с. 57] (здесь и далее перевод мой. – Е. Б.). На первый взгляд, может показаться, что обе эти цитаты содержат в себе характеристику творчества одного и того же поэта – поэта-гражданина, «посвятившего лиру» своему народу. Однако если первое высказывание касается творчества Н. А. Некрасова, то второе отно-

сится к поэту, казалось бы, максимально далекому от Некрасова, принадлежащему иной исторической эпохе и иной национальной культуре – великому китайскому поэту Танской эпохи Ду Фу. В год 200-летнего юбилея Н. Некрасова, когда мы активно актуализируем различные пласты его творческого наследия, неизбежно возникает множество творческих параллелей предшественников и последователей поэта. Вряд ли в случае с Некрасовым и Ду Фу мы можем говорить о прямом творческом взаимовлиянии и непосредственных творческих контактах русских и китайских писателей, в отличие, например, от влияния Есенина на Хай Цзы, Пастернака – на Ван Цзясиня или Маяковского – на Го Можо. Но тем не менее в творчестве обоих поэтов актуализируются архетипические ситуации, мотивы и образы, детерминированные их писательской репутацией, их статусом в культурной жизни эпохи – ролью поэта-гражданина, поэта-патриота, певца народных страданий.

Теоретические основы исследования

Литературная репутация, обладая высоким ценностным потенциалом, определяет место автора в культурном контексте эпохи, поэтому «литературная репутация, социальный престиж писателя становятся, таким образом, своеобразным «символическим капиталом», функционирующим в культурном пространстве. Степень «символизации» литературной репутации писателя может быть довольно высокой и на определенном этапе достигать мифогенного потенциала, мифологизируя литературную биографию писателя и превращая ее в культурный миф» [Акимова, 2008, с. 150]. Каждая национальная культура имеет таких поэтов, литературная репутация которых – поэт-гражданин и великий народный поэт – возвышает их до уровня культурного героя: творчество Р. Бернса, шотландского крестьянина, правдиво и горько изображающего тяжкий

труд, нищету и обездоленность бедняков; проклятия, посылаемые немецким поэтом Г. Гейне в «Силезских ткачах» королю с его законами, лживому царству злобы и коварства за нищету и голод бедных людей; сатирические памфлеты великого французского народного поэта П.-Ж. Беранже против тех, кто «давит и грабит мужичью». В русской литературе роль такого культурного героя принадлежит, безусловно, Н. А. Некрасову. «Поэтом, не только сделавшим народное страдание главной темой своего творчества, но и воспевшим его, стал Н. А. Некрасов, заслуживший еще при жизни славу “печальника горя народного” и “певца народной скорби”. Создается впечатление, что поэт намеренно выбирает только мрачные стороны из окружающей его русской и, прежде всего, народной (простонародной) жизни» [Шагалов, 2016]. Если же обратиться к китайской культуре, то подавляющее большинство критиков отводят роль родоначальника демократической, патриотической, народной линии в китайской литературе величайшему поэту Танской эпохи Ду Фу, творчество которого связано с периодом начавшегося политического упадка Танской империи: участвовавшие войны, разложение императорского двора, голод, нищета и обезземеливание крестьян. О народном характере поэзии Ду Фу написано огромное количество статей китайских литературоведов [曹千里 1999; 杨胜宽 2013; 于海洋 2012; 赵红星 2009; 郝竹梅 2005; 尹大春 2005]: «杜甫是我国伟大的现实主义诗人·他一生经历坎坷·也因此加深了对社会现实的认识。他把个人命运和国家前途、人民苦难紧密地联系起来·诗中充满着对人民的热爱·具有高度的人民性特征。杜甫始终深切地关注人民·他的诗广泛地反映了人民的痛苦生活和思想感情» («Ду Фу – великий поэт-реалист в нашей стране, на протяжении всей своей жизни он переживал взлеты и падения, что углубило его понимание современной реальности. Свою личную судьбу он тесно связал с будущим страны и страданиями народа, его стихи полны любви к народу и обладают высокой степенью народности. Ду Фу всегда глубоко сопереживал своему народу, и его стихи широко отражали тяжелую жизнь, мысли и чувства простых людей [郝竹梅, 2005, с. 49]; **是杜甫作为既具有丰富生活经历又具有社会良知与同情心的诗人·他用诗歌这种长于抒情的艺术**

形式宽视域广角度地反映了那个时代的社会生活·尤其是平民的真实生活·诗人在其中对天下苍生的苦难寄予了深刻的关注和巨大同情。» («Ду

Фу как поэт с богатым жизненным опытом, социальным сознанием и симпатией к народу использовал поэзию, чтобы отразить общественную жизнь своей эпохи, особенно реальную жизнь простых людей, выражая глубокую озабоченность судьбами народа и сочувствие страданиям простых людей во всем мире») [杨胜宽, 2013, с. 27], о теме народных страданий в лирике Ду Фу неоднократно рассуждали и российские синологи: «Обличение несправедливости, сострадание к человеку – все это в классической китайской поэзии, прежде всего, связано с именем Ду Фу (712-770)» [История всемирной литературы ... , 1984, с. 123]; «Ду Фу впервые настоящему ввел в китайскую поэзию мир обездоленных, внимание к которому, существовавшее, конечно, и раньше, никогда не бывало столь пристальным и глубоким» [История всемирной литературы ... , 1984, с. 126]; «По сути, поэзия Ду Фу – это историческая летопись определенного периода эпохи Тан, через которую красной линией проходят мысли о судьбах его родины и его народа, постоянно окрашенные в тревожные и трагические тона» [Варапаев, 2016]. Именно в аспекте темы народных страданий литературоведы XX в. сравнивали поэзию Ду Фу с творчеством Некрасова [Бежин, 1987, с. 22].

У обоих поэтов тема народных страданий детерминирована автобиографически и исторически. Во-первых, это личные впечатления от наблюдения за бедностью и страданиями народа; во-вторых, это роль «летописца эпохи», отражение в поэзии ключевых событий истории страны. Восстание декабристов, война 1812 г., реформа по отмене крепостного права, нашедшие отражение в лирике Некрасова, и широкая эпическая панорама заката Танской империи, представленная в поэзии Ду Фу: хаос и разорение в Китае во времена мятежа Ань Лушаня, когда сам поэт оказывался в руках мятежников, был брошен в тюрьму, скитался по разным городам в поисках работы и прибежища. «В этот тяжелейший период его жизни произошло рождение нового поэта – поэта-гуманиста. От изображения зла и насилия он перешел к изображению горя и страдания» [Аникина, 2008, с. 53]. Когда Ду Фу не смог сдать экзамен для поступления на государственную службу, ему пришлось жить довольно бедно в столице Чанъань. Он испытал на себе коррумпированность государственных чиновни-

ков. Наблюдая страдания простых людей, он стал глубже понимать их и сопереживать им. В поздний период творчества, когда Китай был втянут в войну между правительством и повстанцами, Ду Фу снова часто был вынужден переезжать с места на место, создавая множество стихотворений о страданиях простых людей и об упадке династии Тан. За то, что он так объективно и правдиво все описывал, его прозвали «поэтом-историком». «Стихи рождались как отклик на события войны и как раздумья о времени и о стране, имели форму лирической миниатюры или широкого эпического полотна. Поэзия проникнута печалью о разоренных городах и селениях, ненавистью к врагу, горем поражений и радостью побед» [Серебряков, 2008, с. 298]. В поэзии Н. А. Некрасова автобиографический элемент тоже играет далеко не последнюю роль. Причины, повлиявшие на обращение поэта к теме страдания, по мнению одного из литературных критиков XIX в., следует искать в «условиях его личной жизни, личного развития в детские и юношеские годы» [Аммон, 1906, с. 35]. Все горькие детские впечатления, связанные с проблемами в семье, судьбой матери, смертью брата, наблюдением за «темными» картинами народного быта и «грубыми чертами безобразной жизни» «тяжелым гнетом ложились <...> на восприимчивую душу будущего поэта» [Александровский, 1906, с. 4].

Но философская этиология гражданской и народной тематики в творчестве русского и китайского поэтов различна. В творчестве Ду Фу она имеет мощную философскую детерминанту: Ду Фу, в отличие от даосиста Ли Бо, на протяжении всей жизни был приверженцем учения Конфуция. Конфуцианство в противовес даосизму провозгласило человека социальным существом, поэтому основная жизненная цель – гармонизация человека не с природой, а с обществом. Если даосисты стремятся проникнуть в суть человеческого «я», ищут просветления за счет обретения сверхчеловеческих способностей, то конфуцианцы тяготеют к разумному устройству быта, к благоустройству жизненного пространства. «Из таких конфуцианских понятий, как “жэнь” (“любовь к человеку”) и доброты, вырастает поэзия Ду Фу. Несмотря на мотив ухода от земной жизни, характерный для многих китайских поэтов, все же Ду Фу руководствуется гражданским долгом» [Ли Бо и Ду Фу ... , 2016]. Что касается Н. А. Некрасова, его «интерес к народу и народным страданиям совпал с подъемом общественного интереса к положению крестьянства, с периодом острой борьбы западников и славянофи-

лов, отстаивающих разные духовные ценности. Мировоззрение поэта и его творчество отразили эту борьбу: автор понимает народ и народные страдания противоречиво – с гуманистической, то есть антропоцентрической (западной), и христианской, то есть православной (славянофильской), позиций» [Шагалов, 2016].

Результаты исследования

Сопоставление корпуса текстов Ду Фу и Н. Некрасова, воспевающих страдания «терпением изумляющего народа», позволяет выделить множество сюжетно-тематических, образных и мотивных переключек между «дискурсами о народе» обоих поэтов. Прежде всего, в их лирике последовательно воссоздается *устойчивая персонифера*: пестрый калейдоскоп крестьянских образов («пахарь угрюмый, с темным, убитым лицом» Некрасова [Некрасов, 1981, т. 4, с. 110] и голодные бедняки Ду Фу, меняющие на рынках Чанъани одеяла на рис, детишки которых «без надзора шалют на промозглом ветру и дожде» [Ли Бо, 1987, с. 117]); вдовы (юная вдова Ду Фу, у которой «Все платье в лохмотьях – И стыдно, чтоб видели люди» [Ли Бо, 1987, с. 144], или старая вдова, у которой «погибли внуки, и погибли дети» [Ли Бо, 1987, с. 145] – и вдовы Некрасова от Дарьи из поэмы «Мороз, Красный нос» до героини стихотворения «Вдова», роняющая слезы на церковном помосте и с печатью смирения на бледном челе, женщина в разлуке с мужем); женщина-крестьянка и женщина-труженица, измученные непосильной работой в «Стихах о женщинах, собирающих хворост» Ду Фу и в стихотворении Некрасова «В полном разгаре страда деревенская»; рыбаки и бурлаки («И снова томится старый рыбак в плену у рек и озер» [Ли Бо, 1987, с. 198] и некрасовские бурлаки, с мерным похоронным криком безнадежно бредущие по волжскому берегу); многочисленные старики (седой старик Влас Некрасова, «с обнаженной головой», «весь в веригах, обувь бедная, на щеке глубокий шрам» [Некрасов, т. 1, 1981, с. 152] и тягостно вздыхающий старик Ду Фу, так же безнадежно-обреченно идущий «из дома, бросив посох грубый» и смиренно радующийся, что у него «сохранились зубы, и только кости старческие ноют» [Ли Бо, 1987, с. 145]); плачущие и рыдающие старухи, как у Некрасова в стихотворении «В деревне» («Плачет старуха. А мне что за дело? Что и жалеть, коли нечем помочь?») [Некрасов, т. 1, 1981, с. 127] и старуха из «Прощания старика» Ду Фу («Жена-старуха на ветру рыдает, ей холодно, а платье без подкладки» [Ли Бо, 1987, с. 146] или старуха из «Чиновника в

Шихао», даже не пытающаяся унять «заглушенные рыдания», и, наконец, чиновники, угнетающие народ, в разных масштабах – от уездного помещика или чиновника (чиновник из Шихао Ду Фу, забирающий крестьян в солдаты) до «владельца роскошных палат» и в целом до высших представителей власти, «ликующих, праздно болтающих, обгагривших руки в крови» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 136], тех, кто «в халатах с длинными кистями, купаться могут здесь и пировать» [Ли Бо, 1987, с. 122].

Тема народных страданий равным образом соотнесена у обоих поэтов с *мотивом странничества и устойчивыми топосами великих русских и китайских рек*: у Некрасова это Волга, у Ду Фу – великая река Янцзы, которые неизбежно становятся катализаторами эмоций лирического героя. В стихотворении «Поднявшись на высоту» лирический герой Ду Фу, «печальный изгнанник», бредет по просторам Великой реки Янцзы [Ли Бо, 1987, с. 197], в стихотворении «Между Янцзыцзяном и рекой Хань» лирический герой представлен как путник, блуждающий в чужом краю:

Я – путник, скитающийся давно
Меж двух величавых рек,
Ненужный ученый – в чужом краю
Затерянный человек.
Брожу я от родины вдалеке,
И некому мне помочь... [Ли Бо, 1987, с. 199]

Точно так же лирический герой Некрасова, вновь встретившись с Волгой, одновременно восхищается ее «далью и ширью» и приходит в ужас от картины ползущих гурьбой бурлаков:

И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик –
И сердце дрогнуло во мне [Некрасов, т. 2, 1981, с. 85].

Лирический герой обоих поэтов предстает как странник, не только наблюдающий за картинами народного горя, но и активно выражающий свою жизненную позицию, поэтизирующий свою боль и страдание за беды народные. Путь лирических героев Ду Фу и Некрасова, как правило, лежит из центра на периферию, оба они стремятся покинуть столицу и попытаться, хотя и не всегда успешно, обрести душевную гармонию в провинции.

Дайте вздохнуть!..
Я простился с столицами,
Мирно живу среди полей,
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей,

– пишет Некрасов в стихотворении «Литература с трескучими фразами» [Некрасов, т. 2,

1981, с. 140], подобно тому, как и Ду Фу в «Стихах в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я из столицы направился в Фэнсянь» так же горько констатирует:

А просто
Во дворце я непригоден,
И надо мне
Безропотно уйти.
Умру – поймут,
Что о простом народе
Всегда я думал,
До конца пути [Ли Бо, 1987, с. 119].

Палитра эмоций лирического героя Н. Некрасова и Ду Фу формируется из набора достаточно предсказуемых лекал, по сути, воспроизводящих универсальные клише самосознания и переживаний поэты-гражданина, душой болеющего за народ:

– Страдания от созерцания народного горя:

И если так горька
Моя дорога,
То как же бедствовал
Простой народ?
Когда о нем
Помыслию поневоле
И о солдатах,
Павших на войне, –
Предела нет
Моей жестокой боли,
Ее вовеки
Не измерить мне! [Ли Бо, 1987, с. 126];

«Мне бедствия народа сердце ранят» [Ли Бо, 1987, с. 139];

От бурь гражданских поседел я быстро [Ли Бо, 1987, с. 148];

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!.. [Некрасов, т. 2, 1981, с. 85];

Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,

Оплакивать их рок, служить им будет муза [Некрасов, т. 3, 1982, с. 151].

– Осознание предназначения своей поэзии как служительницы народным интересам:

И сердца жар,
Бредя тропой земною,
Я отдавал народу
Всей душой [Ли Бо, 1987, с. 119];

Теперь не сыщешь
Радости в Китае, –
Так неужели ж
Уклонюсь от долга?
Убогую лачугу
Покидая,

В тоске и горе
Ухожу надолго [Ли Бо, 1987, с. 145];

О родной моей отчизне
Навсегда бессонны думы [Ли Бо, 1987, с. 151];

Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира –
Чему достойнее служить могла бы лира?...
Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил – и сердцем я спокоен... [Некрасов,
т. 3, 1982, с. 151]

Эта сильнейшая интенция лирических героев Н. Некрасова и Ду Фу – воспеть страдания изумляющего терпением народа – обуславливает наличие у обоих поэтов множества типологически сходных мотивов, репрезентирующих тему народных страданий.

В описаниях народной жизни у Некрасова и Ду Фу интегральным является мотив убогости, бедности народа, заброшенных и пустынных деревень. В стихотворении «Ночую на заставе Хуаши» Ду Фу описывает неподвижный покой над мертвой деревней, из которой бежали все крестьяне, и заросшие сорняками заброшенные хижинки. В стихотворении «Прощание бездомного» в поле зрения лирического героя, описывающего свою бедную родину, попадают лишь живущая в нищей лачуге вдова и заросшие пылью поля. В стихотворении «В 759 году поселившись в уезде Тунгу, сочинил семь песен» Ду Фу лирический герой ощущает себя крестьянином, уныло бредущим со своей лопатой и пустой котомкой [Ли Бо, 1987, с. 159], которого не спасают от ветра «старые заплатки, тощие одежды». В «Стихах в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я из столицы направился в Фэнсянь» герой-странник с горечью вспоминает прошлое своей деревни: «Когда все злаки созревали в поле, а этот дом пустым и нищим был?» [Ли Бо, 1987, с. 125]. Эта же убогость и бесприютность, мотивы пустоты и нищеты постоянно актуализируются и Некрасовым: в стихотворении «В деревне» «Ветер шатает избенку убогую, весь развалился овин...» [Некрасов, т. 1, 1981, с. 127], в стихотворении «Молебен» «Холодно, голодно в нашем селении. Утро печальное – сырость, туман» [Некрасов, т. 3, 1982, с. 181], в «Думе» – «Сторона наша убогая, выгнать некуда коровушку» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 123]. Мысли о крестьянине не оставляют Ду Фу и тогда, когда он пишет стихи о природе. В стихотворении «Ливень» он говорит, что равнодушен к тому, что протечет его хижина, только бы дождь помог вырасти хлебу. Когда же ливень обретает масштабы

стихии, лирический герой беспокоится только о несчастьях хлебопашца. В стихотворении «В девятый день посылаю Цэнь Шэню» он беспокоится о том, что крестьянам не спасти посевов, и взывает к тому, кто мог бы усмирить тучи и затянуть прореху в небе. В стихотворении «Грустно. Осенний дождь» появляется мотив зерна, зреющего без пахаря («Перезревшее мокнет повсюду зерно и чернеют колосья в полях» [Ли Бо, 1987, с. 116]), знакомый русскому читателю по известному стихотворению Н. Некрасова «Несжатая полоса»: «Поздняя осень. Грачи улетели, лес обнажился, поля опустели, только не сжата полоска одна... Грустную думу наводит она» [Некрасов, т. 1, 1981, с. 135].

Одним из наиболее частотных мотивов у обоих поэтов становится мотив голода, от которого страдают простые люди: «Тянет козулю клячонка, с голоду еле жива! Голоден труженик вечный» «Голоден тоже, боюсь!» («Дедушка» [Некрасов, т. 4, 1982, с. 110]), «Хоть с толокна животы подвело» («Псовая охота» [Некрасов, т. 1, 1982, с. 47]), «О прекращении лютого голода молится жарко народ» («Молебен» [Некрасов, т. 3, 1982, с. 181]), «В мире есть царь: этот царь беспощаден, голод названье ему», «Жили в землянках, боролись с голодом» («Железная дорога» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 183]), «От голода погиб сынишка мой» [Ли Бо, 1987, с. 125], «Голод сына моего убил» [Ли Бо, 1987, с. 126].

Важный элемент аранжировки темы народных страданий у Некрасова и Ду Фу – описание нищенской бедной одежды людей из народа. В стихотворении Ду Фу «Грустно. Осенний дождь» описывается, как несчастные люди продают последнюю одежду на рынке, чтобы купить хоть немного еды:

Есть в Чаньани бедняк в одежке простой, –
ты несчастней его не найдешь [Ли Бо, 1987, с. 116]

И бедняки Ду Фу поразительно напоминают некрасовских просителей у парадного подъезда:

Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах.
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обуток [Некрасов, т. 2, 1981, с. 47], –

или угрюмого пахаря с темным, убитым лицом из поэмы «Дедушка»: «Лапти, лохмотья, шапочка, рваная сбруя; едва тянет козулю клячонка» [Некрасов, т. 4, с. 110].

Рефреном через творчество обоих поэтов проходит мотив народного плача и стоны, приобре-

тающего вселенские масштабы. Диапазон вариантов народного стона неисчерпаем: это и стон вдов, и плач умирающих от голода людей в бедных селеньях, и стон бурлаков, который «песней зовется», и в этом смысле рыдания китайского народа Танской эпохи и русского народа XIX в. звучат абсолютно в унисон:

Там, где тыща была дворов
насчитать бы сегодня сотню
сдержан стон безутешных вдов
до предела исчерпана скорбь
по равнине безлюдной осенний плач
из какого селенья доносит? (Ду Фу, стихотворение
«Бай ди» [Ду Фу. Проект ... , 2012, с. 117];

Я должен снова
Встретиться с семьей,
И вот ее
Увижу я сейчас.
Вхожу во двор –
Там стоны и рыдания [Ли Бо, 1987, с. 125];

И мне ль, отцу,
Скрывать свое страданье,
Когда соседи
Плачут за стеной? [Ли Бо, 1987, с. 125] –

ну и, конечно, апофеоз стона народного в «Размышлениях у парадного подъезда»:

И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Где народ, там и стон... [Некрасов, т. 2, 1981, с. 47].

Особенно акцентируется у обоих поэтов такая составляющая звукового мотива народных рыданий, как плач детей: «Плачут мои дети в уютной комнатенке за глухой стеною [Ли Бо, 1987, с. 159] (стихотворение «В 759 году поселившись в уезде Тунгу, сочинил семь песен»), «Равнодушно слушая проклятья в битве с жизнью гибнущих людей, из-за них вы слышите ли, братья, тихий плач и жалобы детей?» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 83] (стихотворение «Плач детей»).

Тема народных мук и страданий у обоих поэтов настолько гипертрофирована, что обретает порой жутко-фантастические масштабы, порождая мотивы людей-мертвецов и костей мертвецов: вспомним хотя бы некрасовскую «Железную дорогу» («Прямо дороженька: насыпи узкие, Столбики, рельсы, мосты. А по

бокам-то все косточки русские...»), «Тень набежала на стекла морозные... Что там? Толпа мертвецов!» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 168]), напоминающее строки из стихотворений Ду Фу «Стихи в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я из столицы направился в Фэнсянь» («Вина и мяса слышен запах сытый, а на дороге – кости мертвецов» [Ли Бо, 1987, с. 126]) или «Отрывок» («Я слышал народа китайского стон – плывут мертвецы по великой реке» [Ли Бо, 1987, с. 154]).

Тема телесной деструкции по отношению к народу, воплощенная в знаменитом некрасовском *мотиве избияния кнутом* («Там били женщину кнутом, крестьянку молодую» [Некрасов, т. 1, 1981, с. 69]), встречается и в поэзии Ду Фу, когда странствующий лирический герой стихотворения «Стихи в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я из столицы направился в Фэнсянь» наблюдает столь же дикую картину: «Потом мужчин кнутами избивали» [Ли Бо, 1987, с. 121].

Одним из ведущих мотивов в поэзии Ду Фу является *мотив солдатчины, губительной для народа службы в армии* в эпоху кровавых восстаний и войн. В стихотворении «Чиновник в Шихао» Ду Фу рассказывает о бессердечном чиновнике, забирающем крестьян в солдаты: его абсолютно не трогают горькие слезы старухи, которая уже потеряла на войне своих детей («С тремя сыновьями мне надо навеки проститься» [Ли Бо, 1987, с. 144]) и молит взять ее в Хэян на работу, чтобы прокормить маленького внука и невестку. Такие же слезы матерей, потерявших детей, мы видим и в стихотворении Некрасова «Внимая ужасам войны...» («То слезы бедных матерей! Им не забыть своих детей, погибших на кровавой ниве» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 14]), и в произведении «Орина, мать солдатская» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 161]. Заметим, что у Некрасова этот мотив рекрутчины и солдатчины так же сопряжен с *мотивом барского* (у Ду Фу – чиновничьего) *произвола*. В поэме «Дедушка» подобная ситуация возникает при описании деревенской свадьбы:

Помню ужасную свадьбу,
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» – и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха –
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха [Некрасов, т. 4, 1982, с. 110].

Важнейший аспект темы народных страданий в творчестве обоих поэтов – *тема тяжелой*

женской судьбы. В поэзии Некрасова представлены многочисленные вариации «печальной женской доли, высоких подвигов и жен, и дочерей», женских слез «с придачей нервических тяжелых драм» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 129]: женщина-крестьянка страдает от притеснений помещика, ругани и побоев мужа, непосильного труда, солдатчины и смерти детей («Тройка», «В деревне», «В полном разгаре страда деревенская», «Внимая ужасам войны», «Орина, мать солдатская» и др.). По сути, те же модели женской судьбы мы обнаруживаем и в поэзии Ду Фу: от непосильного труда мучаются героини «Стихов о женщинах, собирающих хворост», от солдатчины, разлуки с мужем и разрушительных последствий войны страдают героини стихотворений «Красавица», «Стирка» и «Прощание новобрачной», от произвола чиновников рыдает героиня «Чиновника в Шихао», от равнодушия мужа, взявшего себе новую жену, плачет, но скрывает свои слезы от «господина» героиня «Красавицы» (рассмотрению темы тяжелой женской доли и типологии женских образов посвящено огромное количество статей в китайском литературоведении [刘明华 2001; 马巧灵 2011; 周莹, 罗朋朋 2013; 王娜 2009; 黄彦延 2018; 史湘云 2012]).

У обоих поэтов постоянно актуализируется мотив обреченности женщины, изначальной беспросветности их будущей судьбы. В «Песни о боевых колесницах» Ду Фу, размышляя о несчастной женской судьбе, с горечью замечает, что впереди женщину ждут только «страдания и муки»:

Наши семьи сломила кручина –
Платят подати, платят налоги;
И уже не желаешь ты сына,
Чтоб родился для слез и тревоги.
Дочь родится, годна для работы, –
Может, жизнь ее ты и устроишь.
Ну, а сын подрастет – уж его-то
Молодого в могилу зароешь [Ду Фу, 1967, с. 23].

Удивительным образом этот печальный прогноз напоминает некрасовскую «Тройку», где молодой девушке предрекается столь же грустно-безнадежный сценарий будущей судьбы:

Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погребели гнуть.
От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть. <...>
И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь [Некрасов, т. 1, 1981, с. 43].

Но, вопреки трагизму женской доли, в лирике Ду Фу, как и в творчестве Некрасова, мы видим женские образы, вызывающие у поэта не только жалость и сострадание, но и восхищение. Конечно, они не представлены с такой яркостью и с такой силой художественной завершенности, как женские образы Дарьи или Матрены Тимофеевны, но безымянные героини Ду Фу обнаруживают ту же душевную силу и ту же мужественную готовность разделять судьбу мужа, что и благородные героини некрасовских «Русских женщин». В стихотворении Ду Фу «Стирка» героиня, ожидающая мужа с границы, стойчески переносит «томительную и тяжелую» разлуку, заглушая страх и тревогу тяжелой работой:

Я сделаю все,
Что позволят мне женские силы.
Услышь, господин мой,
Удары валька издалека! [Ду Фу, 1967, с. 66]

В стихотворении «Прощание новобрачной» тема тяжелой женской доли тоже сопрягается с темой солдатчины, когда у новобрачной наутро после свадьбы забирают жениха, чтобы защитить границу у Хэяна, но жена, хоть и полна скорби в преддверии долгой разлуки и сравнивает свою женскую слабость с тонкими усиками весенней повилики, все же мужественно восклицает:

А ныне ты
Идешь на поле боя,
Душа болит,
И сердцу нет покоя.
Хоть я немедленно –
Клянусь судьбой –
На жизнь и смерть
Пошла бы за тобой.
Но ты забудь,
Что дни разлуки долги –
Ты помни
Только о военном долге:
Будь с вами жены
На такой войне –
Солдатам было б
Тяжелей вдвойне [Ду Фу, 1967, с. 57].

Произвол чиновников, с которым беспрестанно сталкивался Ду Фу в течение своей жизни, нашел отражение во множестве *лирических сюжетов об угнетении народа бессердечными представителями власти*, об их произволе и беззаконии. В стихотворении «Чиновник в Шихао» в «унылой деревне» бездушный чиновник дико орет на людей и забирает крестьян в солдаты, в стихотворении «Мне снится днем...» лирический герой страдает от того, что народ «живет в печали, бесстыдно угнетаемый властями», и мечтает «убрать чиновников с дороги, грабящих измученный народ» [Ли Бо, 1987, с. 172]. Этот же мо-

тив мы встречаем и во многих произведениях Некрасова, где «что ни чиновник – стяжатель», где представители власти характеризуются как «хищников алчная стая», которая давит «сок из народа» [Некрасов, т. 4, 1982, с. 110].

Особые страдания испытывают лирические герои обоих поэтов от осознания *бездействия и безмолвия власти, ее глухоты к народным страданиям*. В стихотворении «Песнь о боевых колесницах» лирический герой Ду Фу слушает стон китайского простого народа, который гонят воевать на границу, и с горечью вопрошает:

А зачем императору надо
Жить, границы страны расширяя:
Мы и так не страна, а громада.
Неужели владыка не знает,
Что в обители ханьской державы
Не спасительный рис вырастает –
Вырастают лишь сорные травы [Ду Фу, 1967,
с. 25]

Тот же безнадежно-горький вопрос повторяется в стихотворении «Ночью на заставе Хуаши»: «Так кто ж постучит государю в ворота, чтоб подати он сократил и налоги?» [Ли Бо, 1987, с. 186], и снова он остается без ответа, подобно тому, как в некрасовском «Размышлении у парадного подъезда» такое же безразличие к народным мольбам («но счастливые глухи к добру») обнаруживает «владелец роскошных палат»:

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ? [Некрасов, т. 2,
1981, с. 53].

Поэтому у обоих поэтов мы встречаем **активное эксплуатирование художественного приема контраста** в изображении народных страданий. Этот контраст между пирующими господами и страдающим людом мы видим в стихотворении Н. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: «И, покуда я видеть их мог, с непокрытыми шли головами... А владелец роскошных палат еще сном был глубоким объят...» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 47]. Эта же антитеза часто становится в лирике Ду Фу структурообразующим композиционным приемом: «Здесь государь проводит дни с гостями, я слышу – музыка звучит опять. Те, кто в халатах с длинными кистями, купаться могут здесь и пировать. Но шелк, сияющий в дворцовом зале, – плод женского бессонного труда» [Ли Бо, 1987, с. 122], «Богачи не знают про усталость – на больших судах и в ус не дуют. Бедняки, чтоб заработать малость, в жалких лодках головой рискуют» [Ли Бо, 1987, с. 147]. Еще один вариант реализации приема антитезы – *противопоставление гремящих в столице витий и спокойной природной жизни*:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, –
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью землею,
Колосья бесконечных нив... [Некрасов, т. 2,
1981, с. 46]

Эта же антитеза встречается по многим стихотворениям Ду Фу, например, в стихотворении «Ночью», где лирический герой, не желающий видеть, как «клубятся дым и пыль вокруг столицы» [Ли Бо, 1987, с. 159], облачается в короткое платье простолюдина и обретает душевное спокойствие на берегу реки, созерцая в туманной дали пролетающих во мгле речных птиц и слыша крики обезьян.

Дискурс народных страданий у обоих поэтов связан с эпизацией их лирики, с лирическим способом овладения эпическим материалом и представлен в виде не столько лирических зарисовок, сколько достаточно развернутых сюжетов, воспроизводящих различные грани и варианты народных страданий: описание тяжелого женского труда, деревенские новости, картины произвола чиновников и власти по отношению к народу. События, которые вызывают эмоции у лирического героя, не остаются за рамками лирического сюжета, а становятся главным предметом изображения. В стихотворениях о народе Некрасова и Ду Фу зачастую перед читателем разворачивается лирический рассказ о событиях, переданный одним из их участников или представленный в виде диалога лирического героя с одним из представителей народа. При этом у обоих поэтов четко маркированы и речь лирического героя, и речь другого лирического персонажа, принадлежавшего к одной из социальных групп, к одному из народных типов. Примеры подобных сюжетных лирических рассказов в лирике Некрасова многочисленны («В дороге», «Огородник», «Чиновник», «Размышления у парадного подъезда», «В деревне» и др.). «Лирическая эпичность» как неоднократно отмечаемый исследователями феномен лирики Некрасова обнаруживается и во многих стихотворениях Ду Фу. Так, в стихотворении «Красавица» поэт представляет героиню, которая рассказывает историю своей жизни. Один из общих лирических сюжетов в поэзии Некрасова и Ду Фу – сюжет *возвращения лирического героя домой и «деревенские новости»*. В стихотворении Ду Фу «Деревня Цянцунь» поэт описывает свое возвращение «гостем в родной дом», изумление домочадцев, рассказывает, как собираются

в кружок соседи и начинают судачить, а потом в гости к герою приходят пять почтенных стариков, которые рассказывают ему о несчастьях и проблемах в деревне:

Пять почтенных стариков
Пришли,
Пожелали
Странника проведать.
Чайники с собою
Принесли –
Просят
Их изделия отведасть.
Извиняются
За вкус вина –
Некому теперь
Работать в поле.
Все еще
Не кончилась война... [Ли Бо, 1987, с. 137]

Аналогичную ситуацию мы встречаем в стихотворении Некрасова «Дома – лучше!», где герой тоже возвращается домой, пересаживается из коляски в телегу и едет с мужиками на охоту [Некрасов, т. 3, 1982, с. 63], и особенно в стихотворении «Деревенские новости», где навстречу вернувшемуся домой лирическому герою «спешно идет обыватель. Все-то знакомый народ» и рассказывает свои нехитрые новости: «Умер третьеводни Влас», «покрали много леску твоего», «в Ботове валится скот, а у солдатки Аксиньи девочку – было ей с год – съели проклятые свиньи», «пастуха громом во стаде убило» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 95], а потом, как и у Ду Фу, народ сходится в хате лирического героя, чтобы выпытать, что он «слыхал про свободу».

Все вышеперечисленные мотивы, репрезентирующие тему народных страданий, являются в общем-то универсальными, свойственными любому типу подобного дискурса. Однако в поэзии Ду Фу и Некрасова мы обнаруживаем *систему стихотворений-двойников, поразительным образом связанных не только отдельными мотивными и образными переключками, но и логикой развертывания лирического сюжета, принципами субъектной организации и практически дословно повторяющимися словесными формулами*. Это «Чиновник в Шихао» Ду Фу и «Орина, мать солдатская» Н. Некрасова, «Деревня Цянцунь» и «Деревенские новости» Некрасова, но *наиболее яркий пример подобной, почти абсолютной зеркальности* – стихотворения Ду Фу «Стихи о женщинах, собирающих хворост» [Ду Фу, 1967, с. 120-124] и Н. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская» [Некрасов, т. 2, 1981, с. 141]. В обоих стихотворениях воспроизводится одинаковая ситуация (русская женщина работает в поле, китайские женщины собирают хворост), опи-

сываются суровые погодные условия («Трудно жить на каменистой почве, голодать и мерзнуть постоянно» – «зной нестерпимый: равнина безлесная, нивы, покосы да ширь поднебесная – солнце нещадно палит»), присутствует горькая констатация тяжести женской доли («Здесь, в Куйчжоу, девушкам не сладко» – «Доля ты, русская долюшка женская, вряд ли труднее сыскать»), появляются мотивы раннего старения («Волосы у них седеют рано» – «Не мудрено, что ты вянешь до времени»), образы женских кос, падающих на грудь («две косы девических уныло падают на сторбленные плечи» – «тяжелые русые косы упали на смуглую грудь», «баба туда – расстрепалися косыньки») и описание горьких женских слез («оттого-то выплаканы очи, со слезами смешаны румяна» – «вкусно ли, милая, слезы соленые с кислым кваском пополам»), а сами женщины покорно и мужественно несут на себе всю мировую тяжесть бед и страданий («А на плечи женщин, как известно, все труды ложатся и заботы» – «всевыносящего русского племени многострадальная мать»).

Однако, наряду с большим количеством мотивных переключек между Ду Фу и Н. Некрасовым, очевидным становится и различие в художественной репрезентации поэтом-гражданином темы народных страданий. Ду Фу практически всегда воспроизводит конкретные реалии и конкретные топонимы, у него не нужно угадывать, в какой земле и в какой провинции происходят события, народный дискурс поэзии китайского лирика, по сути, воссоздает почти точную географическую карту реальных странствий самого поэта: женщины в Куйджоу, чиновник в Шихао, деревня Цянцунь, граница у Хэяна, прозрачные реки Вэй и Цзин, уезд Тунгу, гора Кунтун, рынки Чанъани, Фэнсянь, куда направляется из столицы лирический герой. У Некрасова же количество конкретных топонимов существенно меньше, и даже несмотря на каскад из «говорящих» географических названий социально-критической тематики в «Кому на Руси жить хорошо» (Горелово, Неелово, Неурожайка и др.), Некрасов акцентирует внимание на небытовом, неконкретном характере рассказываемой истории. Главным для него являются не реальные даты и географические координаты событий, а их универсальный характер. Его тексты о народной жизни вырываются из историко-бытового и этнографического измерения, приобретая универсальную философскую глубину.

Изображение народной жизни и народных страданий у Ду Фу – это преимущественно горькие и беспросветные картины, читатель не уви-

дит здесь хоть какого-нибудь вектора надежды. Если у Некрасова «собирается с силами русский народ и учится быть гражданином», то у Ду Фу народ пока не учится быть гражданином, он молчаливо страдает, и модус жалобы – единственно доступный ему голосовой регистр. Некрасов, при всем трагизме его народной лирики, все же выражает надежду на светлое будущее народа:

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную –
Вынесет все, что господь ни пошлет!
Вынесет все – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе [Некрасов,
1981, т. 2, с. 168].

Практически единственное стихотворение Ду Фу, содержащее по крайней мере отсвет оптимизма – «Стихи о том, как осенний ветер разломал камышовую крышу моей хижины», когда из-за собственного несчастья поэт начинает мечтать об огромном доме, в котором нашли бы спасение от дождя и ветра бедняки всей Поднебесной:

О, если бы
Такой построить дом,
Под крышею
Громадною одной,
Чтоб миллионы комнат
Были в нем
Для бедняков,
Обиженных судьбой.
Чтоб не боялся
Ветра и дождя
И, как гора,
Был прочен и высок,
И если бы,
По жизни проходя,
Его я наяву
Увидеть мог, –
Тогда –
Пусть мой развалится очаг,
Пусть я замерзну –
Лишь бы было так [Ли Бо, 1987, с. 173].

И в этом стихотворении уже появляется не просто сострадание, стыд благополучного перед страждущими, а прямое желание пожертвовать собою, если это нужно для блага бедняков. В этом – не только эволюция чувства Ду Фу, но и путь развития китайской поэзии в ее отношении к человеку. Стремление к самопожертвованию пока еще довольно абстрактно: поэт не ведал настоящих путей к облегчению жизни народа, и естественна его вера в добрые намерения государя.

Заключение

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» за декабрь 1877 г. дает свой вариант ответа на вопрос, почему Н. А. Некрасов обращается к народным страданиям: «В будущем народ отме-

тит Некрасова. Он поймет тогда, что был когда-то такой добрый русский барин, который плакал скорбными слезами о его народном горе и ничего лучше и придумать не мог, как, убегая от своего богатства и от грешных соблазнов барской жизни своей, приходиться в очень тяжкие минуты свои к нему, к народу, и в неудержимой любви к нем очищать свое измученное сердце, – ибо любовь к народу у Некрасова была лишь исходом его собственной скорби по себе самом...» [Достоевский, 1894-1895, с. 428]. Думается, что вот так же, в трудные моменты своей жизни, очищал свое измученное сердце в сострадании народному горю и Ду Фу. Оба поэта умерли примерно в одинаковом возрасте (Ду Фу в 58 лет, Н. Некрасов в 56 лет), в течение нескольких лет перед смертью страдая от тяжелой болезни, и, несмотря на разделяющие их времена и пространства, поэтический диалог через столетия их печальных и скорбящих муз позволяет читателю ощутить и «каплю крови, общую с народом», и страдание поэта-гражданина как универсальную духовную этическое-эстетическую категорию, которая указывает направление поиска путей к спасению человеческой личности.

Библиографический список

1. Акимова Н. Н. Авторские стратегии Ф. Булгарина в литературном контексте первой трети XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2003. № 5. С. 149-161.
2. Александровский В. Николай Алексеевич Некрасов (биографический очерк) // Покровский В. Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь и сочинения: сборник историко-литературных статей. Москва: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1906. С. 3-15.
3. Аммон Н. Г. Некрасов – певец скорби и упований // Покровский В. Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь и сочинения: сборник историко-литературных статей. Москва: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1906. С. 35-55.
4. Аникина Г. П. Китайская классическая литература: учебное пособие / Г. П. Аникина, И. Ю. Воробьева. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. 153 с.
5. Бежин Л. Предисловие // Ли Бо, Ду Фу. Избранная лирика / перевод с китайского. Москва: Детская литература, 1987. С. 5-26.
6. Варапаев Д. Ду Фу – поэт-патриот. URL: <https://www.varapaev.ru/index.php/litrazdel/kitajskaya-literatura/kitajskaya-poeziya/395-du-fu-poet-patriot> (дата обращения: 25.08.2021)
7. «В сравнении»: Ли Бо и Ду Фу. Инь и Ян китайской поэзии // Concepture. 04.09.2016. URL: https://concepture.club/post/rubrika_2021/v-sravnении-li-bo-i-du-fu-in-i-jan-kitajskoj-poezii (дата обращения 26.08.2021)

8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 12 томах. Том 11. Санкт-Петербург : Издание А. Ф. Маркса, 1894-1895. 548 с.
9. Ду Фу. Лирика. Ленинград : Художественная литература, 1967. 175 с.
10. Ду Фу. Проект Наталии Азаровой ; пер. с кит. Москва : ОГИ, 2012. 296 с.
11. Желуховцев А. Н. Танская поэзия VII-IX вв. / А. Н. Желуховцев и др. // История всемирной литературы : в 8 томах / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1983-1994. На титл. л. изд. : История всемирной литературы : в 9 т. Т. 2. 1984. С. 116-129.
12. Крестовский В. Народная жизнь в поэзии Некрасова // Покровский В. Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь и сочинения : сборник историко-литературных статей. Москва : Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1906. С. 94-107.
13. Ли Бо, Ду Фу. Избранная лирика / перевод с китайского. Москва : Детская литература, 1987. 216 с.
14. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Т. 1: Стихотворения 1838-1855 гг. Ленинград : Наука, 1981. 719 с.
15. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Т. 2: Стихотворения 1855-1866 гг. Ленинград : Наука, 1981. 446 с.
16. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Т. 3: Стихотворения 1866-1877 гг. Ленинград : Наука, 1982. 510 с.
17. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Т. 4: Поэмы 1855-1877 гг. Ленинград : Наука, 1982. 653 с.
18. Скворцов А. В. Новые переводы Ду Фу в контексте темы женской судьбы в китайской поэзии / А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова // Известия ВГПУ. 2019. № 1 (282). С. 223-227.
19. Шагалов А. М. Причины обращения Н. А. Некрасова к теме народных страданий. URL: http://a-m-shagalov.ru/publ/publikacii/nauchno_metodicheskie_publicacii/prichiny_obrashhenija_n_a_nekrasova_k teme_narodnykh_stradaniy/2-1-0-9 (дата обращения 26.08.2021)
20. 刘明华, 杨理论. 李杜诗歌中的女性题材及抒情特征三论--李杜诗歌女性观念的比较[J]. 社会科学研究, 2001(02):143-148.
21. 马巧灵. 从杜甫诗中的女性形象看其女性观[J]. 北方文学月刊, 2011.
22. 周莹, 罗朋朋. 论杜甫诗歌中的女性形象[J]. 西藏大学学报(社会科学版), 2013.
23. 王娜. 杜甫诗歌中女性形象的分析[J]. 商业文化(学术版), 2009 (08): 218.
24. 黄彦延. 杜甫诗歌战争环境下的女性形象研究[J]. 名作欣赏, 2018, No.614 (18): 133-135.
25. 曹千里. 从《三吏》、《三别》看杜甫诗歌的人民性[J]. 金陵职业大学学报, 1999 (02): 58-59.
26. 杨胜宽. 杜甫的平民角色与平民情怀--兼论郭沫若对杜甫的评价问题[J]. 杜甫研究学刊, 2013(01) : 25-35.
27. 于海洋. 杜甫前期诗歌及其忧民意识的探讨[J]. 西安文理学院学报(社会科学版), 2012 (06) : 10-12.
28. 赵红星. 杜甫诗歌的人民性[J]. 文学教育, 2009 (07) : 48.
29. 郝竹梅. 论杜甫诗歌的人民性[J]. 中共山西省委党校省直分校学报, 2005 (02): 36-50.
30. 尹大春. 浅论杜甫诗歌的人民性[J]. 兵团教育学院学报, 2005 (01) : 57-58.

Reference list

1. Akimova N. N. Avtorskie strategii F. Bulgarina v literaturnom kontekste pervoj treti XIX veka = Author's strategies of F. Bulgarin in the literary context of the first third of the XIX century // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2003. № 5. S. 149-161.
2. Aleksandrovskij V. Nikolaj Alekseevich Nekrasov (biograficheskij ocherk) = Nikolai Alekseevich Nekrasov (biographical essay) // Pokrovskij V. Nikolaj Alekseevich Nekrasov. Ego zhizn' i sochinenija : sbornik istoriko-literaturnyh statej. Moskva : Tip. G. Lissnera i D. Sovko, 1906. S. 3-15.
3. Ammon N. G. Nekrasov – pevec skorbi i upovanij = Nekrasov – a singer of sorrow and hope // Pokrovskij V. Nikolaj Alekseevich Nekrasov. Ego zhizn' i sochinenija : sbornik istoriko-literaturnyh statej. Moskva : Tip. G. Lissnera i D. Sovko, 1906. S. 35-55.
4. Anikina G. P. Kitajskaja klassicheskaja literatura = Chinese classical literature : uchebnoe posobie / G. P. Anikina, I. Ju. Vorob'eva. Habarovsk : Izd-vo DVGGU, 2008. 153 s.
5. Bezhin L. Predislovie = Preface // Li Bo, Du Fu. Izbrannaja lirika / perevod s kitajskogo. Moskva : Detskaia literatura, 1987. S. 5-26.
6. Varapaev D. Du Fu – pojet-patriot = Du Fu – a patriot poet. URL: <https://www.varapaev.ru/index.php/litrazdel/kitajskaya-literatura/kitajskaya-poeziya/395-du-fu-poet-patriot> (data obrashhenija: 25.08.2021)
7. «V sravnenii»: Li Bo i Du Fu. In' i Jan kitajskoj poezii = «In comparison»: Lee Bo and Du Fu. Yin and Yang of Chinese Poetry // Concepture. 04.09.2016. URL: https://concepture.club/post/rubrika_2021/v-sravnenii-li-bo-i-du-fu-in-i-jan-kitajskoj-poezii (data obrashhenija 26.08.2021)
8. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works: v 12 tomah. Tom 11. Sankt-Peterburg : Izdanie A. F. Marksa, 1894-1895. 548 s.

9. Du Fu. *Lirika = Lyrics*. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1967. 175 s.
10. Du Fu. *Proekt Natalii Azarovoj = Natalia Azarova Project* ; per. s kit. Moskva : OGI, 2012. 296 s.
11. Zhelohovcev A. N. *Tanskaja poezija VII-IX vv. = Tang poetry of the VII-IX centuries / A. N. Zhelohovcev i dr. // Istorija vsemirnoj literatury : v 8 tomah / AN SSSR ; In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moskva : Nauka, 1983-1994. Na titl. 1. izd.: Istorija vsemirnoj literatury: v 9 t. T. 2. 1984. S. 116-129.*
12. Krestovskij V. *Narodnaja zhizn' v poezii Nekrasova = Folk life in the poetry of Nekrasov // Pokrovskij V. Nikolaj Alekseevich Nekrasov. Ego zhizn' i sochinenija : sbornik istoriko-literaturnyh statej. Moskva : Tip. G. Lissnera i D. Sovko, 1906. S. 94-107.*
13. Li Bo, Du Fu. *Izbrannaja lirika. Perevod s kitajskogo = Favorite lyrics. Translation from Chinese. Moskva : Detskaja literatura, 1987. 216 s.*
14. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem = Complete works and letters : v 15 t. / T. 1: Stihotvorenija 1838-1855 gg. Leningrad : Nauka, 1981. 719 s.*
15. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem = Complete works and letters : v 15 t. / T. 2: Stihotvorenija 1855-1866 gg. Leningrad : Nauka, 1981. 446 s.*
16. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem = Complete works and letters : v 15 t. / T. 3: Stihotvorenija 1866-1877 gg. Leningrad : Nauka, 1982. 510 s.*
17. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem = Complete works and letters : v 15 t. / T. 4: Pojemy 1855-1877 gg. Leningrad : Nauka, 1982. 653 s.*
18. Skvorcov A. V. *Novye perevody Du Fu v kontekste temy zhenskoj sud'by v kitajskoj poezii = New translations of Du Fu in the context of the theme of female fate in Chinese poetry / A. V. Skvorcov, T. I. Kondratova // Izvestija VGPU. 2019. № 1 (282). S. 223-227.*
19. Shagalov A. M. *Prichiny obrashhenija N. A. Nekrasova k teme narodnyh stradanij = The reasons for the appeal of N. A. Nekrasov to the topic of popular suffering. URL: http://a-m-shagalov.ru/publ/publikacii/nauchno_metodicheskie_publicacii/prichiny_obrashhenija_n_a_nekrasova_k teme_narodnykh_stradanij/2-1-0-9 (data obrashhenija 26.08.2021)*
20. 刘明华, 杨理论. 李杜诗歌中的女性题材及抒情特征三论--李杜诗歌女性观念的比较[J]. 社会科学研究, 2001(02):143-148.
21. 马巧灵. 从杜甫诗中的女性形象看其女性观[J]. 北方文学月刊, 2011.
22. 周莹, 罗朋朋. 论杜甫诗歌中的女性形象[J]. 西藏大学学报(社会科学版), 2013.
23. 王娜. 杜甫诗歌中女性形象的分析[J]. 商业文化(学术版), 2009 (08): 218.
24. 黄彦延. 杜甫诗歌战争环境下的女性形象研究[J]. 名作欣赏, 2018, No.614 (18): 133-135.
25. 曹千里. 从《三吏》、《三别》看杜甫诗歌的人民性[J]. 金陵职业大学学报, 1999 (02): 58-59.
26. 杨胜宽. 杜甫的平民角色与平民情怀--兼论郭沫若对杜甫的评价问题[J]. 杜甫研究学刊, 2013(01) : 25-35.
27. 于海洋. 杜甫前期诗歌及其忧民意识的探讨[J]. 西安文理学院学报(社会科学版), 2012 (06) : 10-12.
28. 赵红星. 杜甫诗歌的人民性[J]. 文学教育, 2009 (07) : 48.
29. 郝竹梅. 论杜甫诗歌的人民性[J]. 中共山西省委党校省直分校学报, 2005 (02): 36-50.
30. 尹大春. 浅论杜甫诗歌的人民性[J]. 兵团教育学院学报, 2005 (01) : 57-58.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 09.08.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.